

ТОПОХРОН

О проецировании

В. Флюссер

Vilém Flusser (1920–1991) — один из виднейших медиа-теоретиков. Родился в Праге, учился философии в Пражском университете, в 1939 г. эмигрировал в Великобританию, далее в Бразилию. С 1960-х начинает печатать статьи по лингвистике, философии и коммуникации. Тогда же становится профессором по философии коммуникации в Университете Сан-Паулу. Его статьи публикуются в европейских и американских научных журналах. С 1970 г. читает лекции в европейских университетах по медиафилософии, активно выступает на конференциях. В 1983 году публикует бестселлер «За философию фотографии», книга переведена более чем на 25 языков (на русский — Г. Хайдаровой в 2008 году). Все 1980-е гг. активно публикует работы по проблемам коммуникации и медиа, имеющие большой успех. Вилем Флюссер погиб в автокатастрофе в 1991 году.

Наиболее важные тексты: *Gesten: Versuch einer Phaenomenologie*; *Lob der Oberflaechlichkeit: fuer eine Phaemenologie der Medien*; *Eine neue Einbildungskraft*; *Bodenlos*, а также незаконченные *Kommunikologie*, *Vom Subjekt zum Projekt: Menschwerdung*. Корпус текстов опубликован в 6-томном собрании сочинений Стефаном Больманном в середине 1990-х гг. В Берлине действует Флюссер-Архив (*Vilém Flusser Archiv*), публикующий актуальные исследования наследия философа.

Мы действительно становимся «пост-модерными»? В этом вопросе слово «модерн» понимается не как лозунг, а как синоним «современного». Значит, мы действи-

---

Flusser V. *Vom Projizieren // Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung / Schriften von Vilém Flusser.* Hrsg. von Stefan Bollmann; Bd. 3. Mannheim: Bollmann, 1998. S. 9–27. Редакция выражает благодарность издательству «Bollmann» за любезное разрешение на перевод и публикацию текста.

© В. Флюссер, 1998.

© Bollmann, 1998.

© М. Степанов, перевод, 2009.

тельно собираемся пересмотреть Ренессанс? Если да, то, что, собственно, за недостатки мы должны в нём найти и что ему противопоставить?

В *De docta ignorantia* Николай Кузанский предлагает математизировать мышление — лучше мыслить посредством чисел вместо букв. Этим он закладывает основание Нового времени: он склоняется пред Богом не дольше, чем над вещью. И это не чересчур, потому как «Бог не может знать лучше нас, что один плюс один равняется двум», и потому, что божественные законы в словах и законы природы закодированы в алгоритмах. Перекодировка мышления из букв в числа является колоссальным переломом. Это нечто совсем другое, чем просто желать расшифровать буквенные законы божьи или численные законы природы. Законы божьи можно нарушить — согрешив, но законы природы остаются нерушимы, и лишь посредством техники их можно обойти. Вначале этот перелом проявляется как смена настроения: тот, кто грешит, живёт в страхе и дрожи; кто занимается техникой — надеется на прогресс. Но затем появляется экзистенциальная проблематика: вопрос, — каким собственно образом нарушаются законы божьи? — становится: «Если законы природы не могут быть нарушены, тогда каким образом, собственно, мы можем быть освобождены прогрессом?». Ренессанс сформулировал вопрос о свободе крайне неудовлетворительно; и это мы должны исправить.

Но что мы должны ему противопоставить? Всё более усиливается подозрение, что законы — будь они божественные или природные — устанавливаются нами самими. Что мы никакие не субъекты закона, а его проекты. Что мы, следовательно, не должны склоняться ни перед богом, ни над вещами. Это подозрение обнаруживается в следующем вопросе: как случилось, что законы были воздвигнуты по правилам человеческих кодов? Почему «Ты не должен убивать» следует правилам немецкой (или иудейской) грамматики и свободному случаю правил арифметики? Не выглядит ли всё таким образом, как будто бы мы кодифицировали сами законы, затем их проецировали, с тем, чтобы вновь вернуть их посредством обнаружения и открытия? Будь это подозрение еще сильнее, тогда бы мы действительно стали «постмодерными»: а начатое благодаря Кузанцу Новое время прошло бы.

Новое время всегда отдавало себе отчет в неудобстве перекодировки из букв в числа. Тому превосходный пример — Декарт. К его времени вещи выглядели ещё как вещи протяженные (*res extensae*). Однако такой мир вещей не соответствовал численному мышлению (*res cogitans*); поскольку численное мышление ясно и отчетливо, это значит, что между числами зияют интервалы. Каждое число ясно в силу того, что оно резко (через интервал) отличается от каждого другого. Наложение численного мышления на вещи грозит им выскользнуть через интервал и остаться необдуманно. Декартов метод (прикрепить числа мышления к точкам вещей) показывает проблематику. Метод аналитической геометрии состоит в перекодировке из арифметики в геометрию и затем в обратном кодировании из геометрии в арифметику. Чтобы опознать эту проблематику, мы должны попытаться занять точку зрения на вещи, присущую тому времени. Для нас, разумеется, вещи [Dinge]¹ — более не протяженные вещи [Sachen], а стая частиц и поэтому они имеют ту же структуру, что и численное мышление. Для Декарта же, напротив, речь шла о том, что структура мышления была схожа с тогда еще «целым» [«heilen»] миром (*adaequatio intellectus ad rem*), и он испытывал это тем, что, следуя классической традиции, сначала геометризировал мир и затем эту геометрию

¹ Здесь и далее в квадратных скобках дополнения переводчика.

арифметизировал. При этом он отдавал себе отчет в том, что «целый» протяженный мир установил Бог, без помощи которого (*concursum dei*) туда-сюда-кодировка не имела шансов на успех. Это гносеологическое основание современной [modernen] науки и техники.

Как говорится, это уже не наша проблематика, и в этом смысле мы действительно «пост-модерны». Новое время имело доверие к основательности [Solidität] вещественного мира, а мы это доверие потеряли. Хотя начиная с Кузанца люди модерна всё больше внимания уделяли вещам и всё меньше богу, это не означало исчезновения веры, поскольку они верили в вещи, и такая вера предполагала, что вещи когда-нибудь и где-нибудь «неизменны». Лишь немногие фундаментальные современные ученые, могли поэтому отказаться от бога как от «ненужной гипотезы». Полная математизация мышления всей современной науки и техники, следовательно, не является никакой стратегией движения к основанию вещей, и это основание не может быть никаким другим, как «метафизическим». Отсюда современная вера в прогресс — возможно ли посредством технического изменения вещей спасти человека (избавить его от собственного отчуждения), — собственно, есть лишь вариант (перекодировка) средневековой веры. Мы более не можем разделять эту веру.

Здесь, таким образом, стоит вопрос о том, как мы потеряли эту веру; как могло возникнуть подозрение, что мы сами таковы, каковы вещи, и с этим бога спроецировали, чтобы затем это всё с большим трудом вновь вернуть назад. Ответ на это звучит так: на протяжении Нового времени численное мышление всё глубже и глубже проникало в вещи, но вместо того, чтобы достичь основания, оно рассеяло вещи в облака тумана, которые испарились в Ничто. Но это еще не решающее. Пока оно [Новое время — М.С.] склонялось над вещами, оно само себя рассеяло в Ничто испаряющихся облаков тумана. Этот призрачный процесс был приукрашено назван «Просвещение», причём туман спутали с прозрачностью. Численное мышление объясняло самого себя тем, что оно объясняло вещи, и ничего более; что следовало бы ещё выяснить — лишь Ничто. То, что здесь понимается под словом «пост-модерн», есть лишь эта бесконечная победа Просвещения.

Таким образом, в Новом времени можно различить две конвергирующие (хотя и имплицитные друг другу) тенденции. Одна тенденция — шаг за шагом демонтировать веру в надежность [Solidität] мира вещей, другая — веру в надежность субъекта в этом вещном мире, и теперь обе эти тенденции начинают сталкиваться друг с другом. Здесь будет достаточно коротко упомянуть четыре эти тенденции — две первого и две второго типа. Выбор этих четырех тенденций из множества других целенаправлен: они должны облегчить понимание всплывающих «постмодернистских» способов мышления и практики.

Первая тенденция должна быть названа «физическая картина мира». Мир вещей показывается в ней как рассеивание частиц, которые парят в четырёх перекрещивающихся и пересекающихся реляционных полях. Частицы образуют сгущения (например, атомы), имеющие склонность всегда соразмерно рассеиваться, так чтобы сгущения выглядели как проходящие эпизоды в универсальном тяготении к пропорциональному рассеиванию. (Мимоходом скажем: так же наш мозг есть такого же рода случайно возникшее сгущение, только он еще более невероятен, чем атомы.) Оказалось, что частицы делятся сами, только это деление теперь так далеко продвинулось, что возникает вопрос, а не лучше ли рассматривать эти частицы частиц (например, кварки) как символы

численного мышления, чем как части вещного мира. Однако различие такого рода, видимо, более не представляет интереса, поскольку физическая картина мира в качестве целого имеет недвусмысленный характер проекции численного мышления. Она более не «чувственная».

Это ведет ко второй тенденции, которую следует назвать «нейропсихологической». Приходит понимание того, как «чувственное» осуществляет воспринимаемый мир через телесные органы чувств. От нервных волокон принимаются точкообразные раздражения, а именно, по «цифровому» принципу: каждое отдельное раздражение либо принимается, либо отклоняется («1–0»). Принятое раздражение обрабатывается [prozessiert] в центральной нервной системе электромагнитным и химическим путём и дает — не полностью разгаданным способом — восприятие протяженных вещей. Раздражение есть данные [Daten], из которых протяженные вещи могут быть созданы на компьютере [komputieren]. Воспринимаемый мир является проекцией процесса обработки данных [Datenprozessierung]. (Декарт пытался сомневаться в чувствах, однако в то же время он не располагал достаточным знанием.) Обработка данных восприятия происходит при всем том не в изолированной нервной системе, эта система состыкована с другими. Восприятие обрабатывается функциями других восприятий, которые каким-то образом сохраняются в системе. При этом оказывается, что сохраненные восприятия в значительной степени подпитываются от других нервных систем. Они — Вход [Input] Выхода [Outputs] другой нервной системы.

Это запускает третью тенденцию, которую следует назвать «психологической». Анализируются психические процессы, — не только восприятия, но и ощущения, желания, суждения, решения и так далее. При этом точно установлено, что «сознательные» психические процессы — так называемое «Я» — не образуют поддающееся определению единство. Речь идёт о процессах, которые насаживаются на ткань «бессознательных» коллективных процессов и не только питаются от этой ткани, но и значительно управляются ею. Эта ткань простирается далеко над человеческим, охватывает, пожалуй, всё живое и распускается к «низу». «Я» оказывается своего рода шпилем, расплетающимся в коллективе и оттуда кристаллизующимся айсбергом. Оно оказывается идеологическим вызреванием психических процессов. Кроме того, становится ясно, что даже на «сознательном» уровне не может быть речи об определяемой идентичности. Скорее, речь идёт об интересубъективной взаимосвязи, посредством которой в постоянном обмене вырабатывается информация. С этой точки зрения «Я» следует рассматривать как плотинное озеро [Stausee], в котором протекает информация, там же перерабатывается и временно сохраняется, чтобы передаваться. В этом отношении «Я» выступает в качестве постоянно передвигаемого узла интересубъективного полотна, которое накрывается коллективной «бессознательной» психической тканью.

Это ведет к четвертой тенденции, которая здесь упоминалась и должна быть названа «экзистенциальной». Феноменологические исследования показали, что гносеологическая проблематика Нового времени (например, та же картезианская) сформулирована ошибочно. Она исходит из тезиса, что познание предполагает познающего субъекта и познаваемый объект. Напротив, феноменологические изыскания показывают, что познание есть конкретный феномен, из которого лишь задним числом экстраполируются субъект и объект познания. Они показывают, что конкретный «жизненный мир» есть место взаимосвязи — причём, познание происходит лишь при многочисленных связях — и что субъекты и объекты в нём следует рассматривать как абстрактные, «заклѳченные в скоб-

ки» экстраполяции. Это становится ясно при попытке определить некоего данного субъекта. В таком случае оказывается, что «Я» могу идентифицировать себя лишь в сравнении с «Ты» — говорящим другим — и что эти отношения обратимы («диалогичны»): «Я» и «Ты» являются диалогическими полюсами. Какое-то «твердое» ядро Я («самость», «душа») оказывается логической и экзистенциальной бессмыслицей.

В дополнение к этим четырём упомянутым тенденциям необходимо коснуться еще двух других. В генетике обнаруживается, что отдельный организм следует рассматривать как «фенотип», через который протекает сетевой поток генетической информации, на который организмы не имеют влияния. И экология показывает, что отдельных живых существ следует рассматривать как функции сетевой экосистемы, а не как автономные системы. Сопоставимый взгляд на включенные в сеть взаимосвязанные поля предлагают, например, лингвистика, аналитика культуры или кибернетика.

Таким образом, численное мышление Нового времени привело к ликвидации вещей и самого мышления, и тем самым нововременная вера разрушается изнутри. Сомнения эти оставляют после себя унылое впечатление. Великолепное предприятие «Новое время», то, что началось с перекодировки мышления и привело к науке, технике и просвещению, оказывается убийственным и самоубийственным предприятием — и не только на обсуждаемом здесь «теоретическом» уровне, но и, прежде всего, в его практических (политических) последствиях, например — Аушвиц, Хиросима, загрязнение окружающей среды и ядерная угроза. Фактически этот пессимистический взгляд разделяют многие — пожалуй, большая часть критиков культуры. Начиная с Ницше через экзистенциальную философию до Барта, Фуко и Бодрийера говорят о «смерти», будь то Бога, будь то Науки, будь то Гуманизма. Поэтому понятие «пост-модерн», скорее, следует понимать как противоречивый отказ от Нового времени. Однако культур-пессимизм такого рода ничуть не убедителен.

Первоначально происходила перекодировка мышления из букв в числа, благодаря которой Новым временем стали управлять, чтобы достичь ясности и отчетливости мышления. Разумеется, в этих стараниях уже виднелась попытка занять новое, уже не рабелепное отношение к миру и к жизни. Со временем оно становилось всё осознаннее, затем чтобы с численным мышлением решиться сменить измерения. Для буквенного мышления мир и человек линейны, процессуальны, есть некое «происходящее». Для численного мышления мир и человек точечны, мозаичны, есть некое «разложение и собирание». С перекодировкой мышления из историчности в системный анализ и системный синтез мышление стало абстрактнее: оно отступило из одномерности [Unidimensionalität] в нульмерность [Nulldimensionalität]. Это уже видно у Декарта: несмотря на то, что он принимает мир вещей протяженным, он предполагает, что мы можем его анализировать («калькулировать») в точках. Это предположение является, между прочим, эпистемологическим базисом Нового времени: хотя численное мышление и имеет структуру, неадекватную протяженному миру, оно, как ни странно, всё же более подходящее, чем буквенное, для того, чтобы овладеть миром вещей.

Это противоречие Нового времени содержит в зародыше современное разложение мира вещей в поля взаимосвязи. Это понятно, и противоречие преодолевается следующим образом: вместо того, чтобы предполагать, что численное мышление неадекватно для структуры мира, однако ей можно соответствовать, — предположим, что структура мира может соответствовать структуре мышления, и это действительно работает всегда, когда склоняются «над» ней: не *adaequatio intellectus ad rem*, а *rei ad*

intellectus. Подобный оборот эпистемологических проблем, прежде всего, требует прекращения веры в независимый от мышления мир, а это тяжело. Поэтому долгое время добивались того, чтобы привести численное мышление в соответствие с так называемыми процессуальными «данностями», и дифференциальное исчисление есть пример этих усилий. Тем не менее, всё более осознавалось то, что численное мышление приспособило вещи под себя (см. индустриальную революцию), что вынудило «данности» соответствовать ему. На практике это привело к отказу от дифференциальных уравнений в пользу цифровых исчислений [digitalen Kalkulierens]. Прагматический успех калькуляции привел к самопожертвованию веры в независимый от мышления мир, тем самым вынуждая растворение вещей в реляционных полях.

Однако рука об руку с этим идёт параллельное движение. Отступление мышления от линейности в нульмерность предоставляет ему дистанцию от самого себя: оно становится критично к самому себе. Хотя это отчетливо выразил Кант, но следствия этой дистанции становятся ощутимы лишь в наши дни. Субъект сам становится объектом во всех своих параметрах. Человек становится подверженным расчету [kalkulierbar], не только как физическая и физиологическая, но и как ментальная, социальная и культурная «вещь». Все его параметры становятся анализируемы, разложимы на точки: восприятия — на раздражения, поведение — на акты [Aktome], решения — на децидемы [Dezideme], языки — на фонемы [Phoneme], культуры — на культуремы [Kultureme]. До этого рассматриваемые как процессы (и поэтому созревающие) человеческие феномены — воображение, способность суждения, политическая и экономическая власть, да даже половой инстинкт и инстинкт силы, распадаются на элементы. Как ни странно, это отступление субъекта от самого себя поначалу понималось как прославление индивида. Эта типично современная [moderne] шизофрения ведёт сначала к серии антропологий, которые истолковываются как самопознание. Самого себя познающий (и познанием обладающий) человек освобождается, калькулируя (технически) познанными вещами. Убедительным примером такого рода «гуманизма» является марксизм. Однако в существе дела лежит то, что при этом индивидуум оказывается как раз не неделимым, а произвольно делимым. В качестве объекта калькуляции человек растекается в пересекающих друг друга сетях — физиологических, физических, социальных и культурных отношений; человек как субъект калькуляции растворяет сам себя в самой калькуляции. Это пресловутая «смерть гуманизма».

Всё это, однако, не является причиной для нигилистического пессимизма. Отступление мышления от линии к точке (которая есть Ничто) является впрочем, не только лишь движением калькулирования — анализированием мира и человека, — но и точно так же движением искусства посредством компьютера [Komputierens]: синтезирования миров и людей. Хотя это верно, что с наступлением численного мышления делается шаг к разложению вещей и человека в «ничто». Однако так же верно и то, что в то же время становится свободным поле для проецирования альтернативных миров и людей. В настоящее время большинство из нас поражены симптомами демонтажа. Всё вокруг нас (окружающий мир, общество, сознание) и вместе с тем всё в нас (ценности, значения, решения) должны при этом распасться. Но точно так же наблюдается много симптомов для начала альтернативного проецирования.

Новая, пост-гуманистическая, «пост-модернистская» антропология ещё только возникает. Разъяснив себя как Ничто в Ничто — как узлы соединенных в сеть соотношений, которые не связаны — мы только лишь можем начать отрицать это Ничто. По-

добная негативная антропология [«Neg-antropologie»] есть не только теоретическая философская точка зрения (негативная вера), но главным образом практика. Пример должен это подтвердить.

Приблизительно в середине девятнадцатого столетия — следовательно, немного предвосхищая описанный ранее процесс растворения — была изобретена фотография. Здесь? в этом чреватом последствиями открытия? должны быть выхвачены лишь четыре аспекта, ибо они эффектно представляют практику «негативной антропологии».

(1) При фотографировании речь идёт о симуляции процесса, который приводит к восприятию мира вещей, а именно — о грубой симуляции, потому что ко времени этого изобретения нейропсихология была ещё не так развита? как сейчас. Молекулы солей серебра рассыпались на чувствительную поверхность и задерживали лучи света, чтобы на ней произошла химическая реакция. Вследствие этого на этой поверхности возникают фигуры, которые рассматриваются как образы тех вещей, которые отражали лучи. Следовательно, фотография симулирует процессы в оптических нервах и последующую обработку в центральной нервной системе, которая вызывает восприятие протяженных вещей. Но симуляция специфических функций нашего организма так же стара, как и человечество: все орудия есть подобные симуляции. Однако симулирование функций нервной системы является чем-то радикально новым. Так как до этого нервная система понималась как некий вид серой зоны, в которой человек как объект (тело) и как субъект (дух) друг с другом сплетаются. С фотографией преодолевается расстыковка «субъект/объект» (тело/дух): дух становится объектом технической манипуляции, подверженному симуляции. Все «ментальные» функции, начиная с восприятия и до решения («искусственный интеллект»), с этого момента становятся объективируемы, а значит, переносимы с человека на другие объекты.

Однако ещё существенней дальнейшие последствия этого регресса мышления, калькулирующего себя самого. В начале фотографирования аппарат понимался ещё как традиционный инструмент: он предполагал человеческого субъекта, который им манипулирует. Теперь, благодаря прогрессивно совершенствующейся «автоматизации», вмешательство человека в фотографирование рассматривается, скорее, как функциональная помеха. Не фотограф, а программист (проектировщик) аппарата понимается собственно как «производитель фотографий»; впредь больше не само восприятие, а проецирование восприятия есть творение [Kreative]. Это действительно для всех «ментальных» процессов.

(2) Фотография зерниста (молекулы соли серебра) и ставит проблему рассеивания. Чем мельче зёрна и чем плотнее рассеивание, тем «больше подобие с вещью», достигая степени рассеивания, которая соответствует изготовлению вещи. Фотография — лишь первый шаг в направлении синтетического изготовления вещей из частиц, предпринятыми далее шагами являются видео, голограмма и управляемая компьютером голограмма. Ещё не полностью достижимо производство альтернативных вещественных миров посредством компьютеров [Komputation], но мы находимся на пороге этого. Поэтому различие между образом и вещью, между фикцией и реальностью становится всё менее оперативным, особенно там, где так называемая «реальность» — в смысле «воспринимаемый мир» — сама себя выставляет как произведённую на компьютере [Komputation]. Вместо этого следует различать между «конкретным» и «абстрактным»: проецирование есть процесс, благодаря которому из абстрактного (точки) проецируют-

ся мира, становящиеся всё более конкретными. Калькулирующее мышление конкретизирует себя.

(3) Фотографирование есть техника, это значит — практика, базирующаяся на научных теориях (оптике, химии, механике и других дисциплинах). Со времени Ренессанса техника и искусство различаются по следующему критерию: техника поддерживается теорией, искусство — эмпирической практикой. ИмPLICITно в это различие вложено то, что модель переживания (эстетическая модель) является не теоретизируемой, и поэтому искусство в своей цели должно быть эмпирическим. Однако фотографирование поставляет изображения — продукт, доселе оставляемый за собой искусством. Следовательно, фотографирование разрушает нововременное различие между техникой и искусством, это и есть «пост-модерн». Теперь действительно производитель фотографий — не фотограф, а программист фотоаппарата; фотографирование указывает на то, что различие между тремя традиционными типами моделей (познание, поведение, переживание) более не операционально. Оно показывает, что модели, базирующиеся на теориях, могут быть сделаны на компьютере и одновременно моделировать познание, поведение и переживание. Фотография — лишь первая из дальнейших моделей этого рода. Она указывает на то, что само от себя отступающее калькулирующее мышление может проецировать модели из гранул, которые управляют познанием, поведением и переживанием общества; что способно из Ничто проецировать смысл, воздействовать на Ничто, давая смысл.

(4) При фотографировании «принимается» что-то откуда-то куда-то. При этом выясняется, что «Что-то» зависит от «Откуда-то»: вопрос, что есть Что-то, есть вопрос принимаемой точки зрения. Первым ответом на этот вопрос является постоянная смена точек зрения. Аппарат меняет свою точку зрения: он окружает Что-то шарообразным полем точек зрения. Тем самым фотографирование покидает нововременную привилегированную точку зрения «объективного взгляда», и в этом смысле это есть «пост-модерн». Со своей практикой, для которой все точки зрения равноценны (безразличны), а Что-то приближается лишь благодаря аккумуляции, фотографирование покидает так же все идеологии Нового времени. Теперь же начинает образовываться радикальнейший ответ на этот вопрос. Что-то не нужно для фотографирования: можно проецировать всё, что угодно. В синтетических компьютерных изображениях, которые едва ли ещё отличимы от фотографий, всё что угодно проецируется из калькуляции, немного из фрактальных уравнений, чтобы затем сколько угодно много точек зрения становились картинками. В такого рода практике особенно отчетливо обнаруживается проективная сила отступившего от самого себя калькулирующего мышления — «способность воображения». Набросать проект можно из самого себя, независимо от всех других, и этот проект, благодаря всё более плотному рассыпанию, конкретизировать в альтернативные миры. К тому же, само калькулирующее мышление показывает себя как завязывание узлом калькуляционной сети.

Фотографирование есть опережающая практика. Только теперь показывается всё то, что в ней имеется: новая, не обязательно «пессимистичная» установка на неудержимый распад вещного мира и его субъекта. В фотографии высветилась новая практика, которая при этом может пониматься примерно следующим образом: медленное и трудоёмкое культурное развитие человечества может рассматриваться как пошаговое отступление из жизненного мира, как пошагово возрастающее отчуждение. С первым шагом назад из жизненного мира — из контекста людей, касающихся вещей, — мы

становимся обработчиками, и отсюда следующая практика — производство инструментов. Со вторым шагом назад — на этот раз из трехмерности обработанных вещей — мы становимся наблюдателями, и отсюда следующая практика — изготовление образов. С третьим шагом назад — на этот раз из двухмерности воображения — мы становимся скрипторами, и отсюда следующая практика — изготовление текстов. С четвертым шагом назад — на этот раз из одномерности алфавитного письма — мы становимся калькуляторами, и отсюда следующая практика — современная техника. Этот четвертый шаг в направлении тотальной абстракции — в направлении нульмерности — был совершен вместе с эпохой Возрождения, и в настоящее время он полностью осуществлен. Следующий шаг назад, в абстракцию, нецелесообразен: меньше, чем ничто, быть не может. Поэтому мы, так сказать, поворачиваемся на 180 градусов и начинаем, так же медленно и трудоёмко шагать назад в направлении конкретного (жизненного) мира. Отсюда новая практика компьютеризации [Komputierens] и проектирования [Projizierens] от точечных элементов к линиям, поверхностям, телам и нам, имеющим отношения к телам.

Эту только что предложенную модель истории человечества, конечно, следует рассматривать как вспомогательную фигуру, а не как «объяснение». Но именно поэтому она может быть проинтерпретирована. Например, следующим образом: с первым шагом назад из жизненного мира открывается пропасть, на одной её стороне предстает мир как наш предмет (он стал «объективным»), а на другой стороне мы сами представляем предметам лоб (мы стали «субъектами объектов»). Все последующие шаги расширяют эту пропасть, и вся наша практика нацелена на то, чтобы её преодолеть. До эпохи Возрождения мир предметов «понимался» как превосходящая нас сила, что словно оживляет или мотивирует живущих, и вся предшествующая модерну практика — это практика порабощенного и раболепного субъекта, подчинённого. С эпохи Возрождения мы «понимаем» объективный мир как нам подлежащий и нас несущий (неодушевлённый) контекст, и вся современная практика — это практика субъекта и объектов, которые он пытается сделать подчинёнными себе. Эта практика ведёт к растворению объектов и субъектов в полях взаимосвязи, и взаимосвязь «субъект-объект» сама становится отношением, которое ничего не связывает, а представляет себя как «чистое отношение» («чистая интенциональность»). С этого момента нужно перевернуть нашу практику и нашу установку вообще.

Это допустимо в качестве мысленного эксперимента понимающей интерпретации, который всё ещё локализован господствующим культур-пессимизмом. Он возникает в той точке, в которой достигается полная абстракция (растворения объектов и субъектов). В этот момент такого рода пессимизм становится весомым. Из многочисленных аргументов за него следует выделить два, логический и экзистенциальный.

(1) Современная наука наводит на мысль о том, что объект есть не нечто устойчивое, а излучина перекрещивающихся полей взаимоотношений: то, что есть Ничто. Она наводит на мысль о том, что мы есть «субъекты ничто». А «субъект» является относительным понятием, и ему можно дать определение лишь в отношении к чему-нибудь. Следовательно, «субъект ничто» есть квадратура круга и должен быть оставлен. Однако, сдавая понятие «субъект», затем бросают все предшествовавшие познания и ценности, следовательно, всю историю человечества.

(2) Современная психология и анализ экзистенции — начиная с Фрейда и Гуссерля — наводит на мысль о том, что мы не имеем жесткого ядра (или не являемся та-

ким ядром), с которым или в котором могли бы мы себя приблизительно идентифицировать. Это делает неизбежным падение в бездонное¹ [Bodenlose], причём эту бездонность нужно приравнять не только к «абсурдности», но и точно так же к «безответственному проставлению размеров», как показывают события недавнего прошлого. С необходимо случившимся отказом от веры в «дух», «душу» и вообще в «индивидуальную идентичность» пропадает всё то, что до сих пор называлось «человеческим».

Стало быть, всё ещё господствующий культур-пессимизм лишь слишком понимающий. Но на это ему следует возразить, что он не принимает участие в современном развороте практики от абстрагирования к конкретизированию. Как если бы он вовсе не видел этот разворот в проецирование. Однако он [культур-пессимизм — М.С.] видит во всех этих проектах — начиная с фотографии до футуристических сценариев и сверх этого — не что иное, как симптом падения в бездонное, в абсурд и в безответственное проставление размеров. Этот не в меру понятный культур-пессимизм делает критика культуры слепым для нового.

Одна метафора должна это прояснить: попробуем вжиться в наших предшественников тогда, когда они начинали подниматься. В то время — немного меньше миллиона лет тому назад где-то в Восточной Африке — изменился климат, так что лес становился всё реже. Расстояния между деревьями становились всё больше, и нужно было их пересекать. При этом руки, которыми обычно держались за ветки, болтались в пустоте. Впрочем, на руки можно было опираться при ходьбе, как это всё еще делают человекоподобные обезьяны, но со временем это показало себя как функционально не удовлетворяющее ходьбе. Была другая возможность, до сих пор использующая руки для невообразимых функций. Это, правда, потребовало переорганизовать тело (прежде всего, центральную нервную систему) и подвергнуть опасности окружающего мира не защищенный скелетом живот. В целом необыкновенно трудоёмкая, рискованная и малообещающая затея. Примерно так видят наше положение пессимистичные критики культуры.

Метафоры являются опасными стратегиями мышления, поскольку то, что действует в одном контексте, не обязательно также действовать в другом. А перенесение из органического в культурное (как это здесь случилось) является прямо-таки убийственно опасным, как это показал нацизм. И всё же метафоры — это творческая мыслительная стратегия и, наверное, необходимая. Преимущество предложенных здесь метафор в том, что они показывают, что катастрофические ситуации — в то время экологическая, сегодня культурная катастрофа — могут рассматриваться не только как конечные точки, но и, прежде всего, как исходные точки.

Для того, чтобы оставаться при метафорах: в настоящее время имеются многочисленные симптомы, которые указывают на то, что мы начинаем подниматься из субъективной в проективную позицию; что мы более не склоняемся перед и над нечем, а начинаем проектировать [entwerfen]. Переход от преклонения перед Богом к склонению над вещным миром, констатированный вначале Кузанцем, начинает вновь пробуждаться, и ещё более радикальным. «Революция» Кузанского понималась как перекодировка мышления из алфавитного в численное. Также современная революция отме-

---

¹ Bodenlose – бездонное или, иначе, беспочвенное – одно из важнейших понятий Флюссера. Одноименная автобиографическая книга рассказывает о его становлении как ученого при встречах с другими культурами, жизни в таких разных странах как Чехия, Великобритания и Бразилия – *примеч. пер.*

чена перекодировкой мышления. При этом мы готовы численное, теперь в цифры [digital] кодированное мышление перекодировать в линии, формы, цвета, звуковые тона, а вскоре также и в объём. Для этих целей мы придумали аппараты (плоттеры, синтезаторы, голографические записывающие устройства и так далее). Мы думаем теперь не только численно, но и в этих «синтетических» кодах (для которых мы ещё не имеем общего наименования). Эта наша перемена мышления истолковывается культур-пессимистами как рецидив образного, магического мышления. Однако в этом они заблуждаются. Насколько они вообще заслуживают имя «картина», новые синтетические картины истолковывают [deuten] контр-традиционно: старые картины указывают [be-deuten] на мир вещей и/или субъекта этого мира, новые указывают [be-deuten] на уравнения, расчёты. Старые картины есть от-ображения [Ab-bilder] чего-то, новые — проекции, образцы [Vor-bilder] для чего-то, чего нет, но могло бы быть. Старые картины — это «фикции», «симуляции от», новые — это конкретизации возможностей. Старые картины обязаны абстрагирующему, отступающему «воображению», новые — конкретизирующей, проецирующей «силе воображения». Следовательно, мы думаем, не воображаемо магически [imaginativ magisch], а, напротив, воображающе проектируя [entbildend entwerfend].

Понятие «эскиз» [«Entwurf»] со времени Хайдеггера приобрело в обращении новый смысл. Оно означает у него приближительно такую точку, в которой мы принимаем решение перевернуть нашу заброшенность в мир, проектировать себя [uns zu entwerfen]. Это глубокий взгляд на наше положение. В контексте набросанной модели истории человечества он мог бы быть истолкован так: все предшествующие шаги назад из жизненного мира являются фазами наших падений в отчуждение, и теперь мы находимся в той решающей точке, с которой мы начинаем проектировать себя. Но такая интерпретация не могла быть подразумеваема Хайдеггером. Она не может быть такой, потому что он ещё не был свидетелем в наши дни начавшегося проектирования [Entwerfen]. Оставим хайдеггеровскую терминологию в пользу более соответствующей нам: он ещё ничего не знал о перекодировке из чисел в фантазии [Einbildungen]. Хайдеггеровское понятие мышления нам не подходит. Но его интуиция относительно «проект» [«Entwurfs»], тем не менее, может помочь нам далее.

Мы достигли катастрофической точки, после которой далее невозможно вытаскивать себя из неприятностей. В направлении «всё более высокой» абстракции, которую мы до сих пор развивали, продолжения нет. Мы не можем более держаться за ничто (как в то время, когда руки были не в состоянии): ни за вещи, ни за самих себя. Следовательно, из этого отчаянного бедственного положения (из этой утраты веры) мы начинаем проецировать — причём, «мы» должно пониматься не как группа индивидов, а как соединённый в сеть диалог. Так, мы не можем более идентифицировать себя, мы начинаем воспринимать себя как узловые точки диалогической сети, а эту интересную сеть — как реляционное поле, из которого набрасываются [entworfen] проекты на другие поля, причём эти поля коварно вновь соединяются в сеть с проектирующими. Устанавливает себя, стало быть, утрата веры, из которой мы проецируем, не только как утрата веры в точку опоры — в бога ли, в вещи или в человека — но более того, как утрата веры в возможность ориентирования. Однако именно эта радикальная потеря веры может оказаться полем, открывающимся для свободы. После того, как мы всё устойчивое (некогда «реальное») заключили в скобки, например, благодаря «феноменальной и эйдетической редукции», и после того, как мы сами отказались от ориенти-

рования («познания»), мы можем сперва попытаться, проецировать вокруг нас и в нас взвешенное поле точечных элементов устойчивого и ориентаций: не только законы божьи и законы природы, но и миры, которые этим законами следуют. Следовательно, такого рода миры (подобные альтернативы) спроектированы по нашим законам, и эти законы являются конвенциями интересубъективного диалога, в котором мы «находимся». Лишь в этом консенсуальном смысле «мы» связаны законом. Это совершенно другая формулировка вопроса о свободе, чем та, которая предлагалась со времён Ренессанса.

Эта формулировка звучит не слишком удовлетворительно для большинства современных ушей. Она свидетельствует о том, что всё познание и все ценности проектирования из преходящего консенсуса должны принимать участие в разработке консенсуса и его проецировании и что в этом заключается свобода. В той мере, в какой нас не удовлетворяет подобная формулировка, пусть потому что опасна, пусть потому, что в качестве принципа, служащего «негативной антропологии», мы не можем принять её, в этом отношении мы остаёмся и далее «модерном». Поэтому мы всё ещё пытаемся за что-то цепляться. Но в той мере, в какой мы готовы — правда, в мимолётные моменты понимания — принять подобную формулировку свободы (например, как негэнтропическую тенденцию или как производство смысла или лишь как игру со случаем) в этом отношении мы действительно «пост-модерн», а именно — в том смысле, в котором предлагалось сначала. И именно тогда мы начинаем подниматься — в мимолётные моменты понимания — из подчинённости в проектирование, в совершенно сознательную деятельность, как бы ни было неудобно, опасно и малообещающе приключение, в которое мы должны ввязаться. Это оптимизм?

Перевод с немецкого Михаила Степанова